

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ЗАПАДНИЧЕСТВО КАК ДВЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ЕДИНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В.Н. Яхно

*Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого»,
Республика Беларусь*

Две мировоззренческие концепции российского образованного общества XIX столетия – славянофильство и западничество – зародились и развивались как дискуссия о судьбе Российской империи и ее признании в мире. Оба направления в своей исторической форме устарели и могут считаться преодоленными, но проблематика, затронутая ими, остается актуальной, так как важнейшая задача практической философии – судьба родины, а потому в новых формах проблемы их спора вызывали страсти как в XX веке, так вызывают и сейчас – в начале XXI.

Философское мышление славянофилов и западников стало результатом обобщения опыта двух, противостоявших друг другу, стилей российской жизни. Славянофилы воспевают «народность», патриархальность как возможность сохранить вековой уклад. Эти представления были отражены в славянофильской концепции Дома. Дом для славянофилов был не физическим и даже не культурным, а этическим пространством, очень родным, уютным, приятным. Это не просто семейный очаг, жилище, а место, где возможна истинная любовь. Идеал такого славянского Дома наиболее полно разработан у А.С. Хомякова: в статье «О сельских условиях», в предисловии к русским песням из собрания П.В. Кириевского и в ряде других работ. Западнический стиль жизни замечательно описан в произведениях И.С. Тургенева. Жилище западника – это дом, где царят общечеловеческие, цивилизованные нормы мышления и поведения: комфорт и размеренная, активная, организованная жизнь. Наконец, два противоположных уклада русской жизни спорят, но дружат в книгах И.А. Гончарова: в «Обломове» это Грачи или Обломовка, с одной стороны, и дома Адуева и Штольца, – с другой.

Абсолютно различными оказались и мировоззренческие представления славянофилов и западников о бытии. Славянофильская концепция теоцентрична, а западническая – антропоцентрична. Славянофилы были чрезвычайно религиозны: в центр мироздания они непременно помещали Бога как творца и господина, как главное формообразующее начало. Творческая оригинальность религиозно-философской мысли славянофилов была проявлена в социокультурной модели мира, где реализовывалась попытка обосновать миссию России, как отличную от миссии народов Запада. Они пытались осмыслить своеобразие восточного православного типа христианства, легшего в основу русской истории. Славянофилы имели и свою социологическую утопию, основанную на трех принципах: идеальное православие, идеальное самодержавие, идеальная народность. У них было органическое понимание народной жизни, то есть все должно быть основано не на договоре, а на доверии, любви и свободе. Славянофилы, в этом отношении типичные романтики, они утверждают жизнь на началах, стоящих выше правовых. Но как замечал по этому поводу, Н.А. Бердяев: отрицание правовых начал «опускает жизнь ниже правовых начал». Западники противопоставляли славянофилам веру во всемогущество человеческого разума. Они были убеждены в неизбежности прогресса и пропагандировали динамическую модель мира, основанную на торжестве просвещенной, цивилизованной деятельности гуманной личности. Однако и у «решительного» западника Чаадаева в «Апологии сумасшедшего» высказываются характерные для славянофильской ментальности мысли о русском мессианстве.

Разное осмысление личностного и общественного, в контексте обозначенной полемики, иллюстрирует общечеловеческое по своему значению творчество таких писателей как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. Художественные взгляды каждого из них также олицетворяют либо славянофильские, либо западнические идеи. Так Л. Толстой

в образе мужика Платона Каратаева («Война и мир») раскрывает потребность русского человека быть частью целого, частью общей судьбы. Толстой называет это желание «роевым началом». Это потребность прильнуть к таким же, как ты, подобно пчеле, прилипающей к рою. Дворянин П.Я. Чаадаев, бросивший вызов русской истории, четче других сформулировал это кредо: нами владеет прежде всего ощущение связи с отечеством, семьей, идейной средой; человек не имеет другого предназначения, как эта работа на благо социального бытия. Отсюда самозабвение в общих начинаниях. В данном случае: воинская доблесть в первую очередь. Но «роевое начало» не только залог успехов, но и возможной беды, которую почувствовал Достоевский. Его «Легенда о Великом инквизиторе» предупреждает, что готовность и даже потребность отказаться от личной свободы и ответственности, переложить их на кого-нибудь другого, верить и повиноваться ему, и быть «непременно всем вместе» – приведет к унижению личности, к потере ею свободы. В этом смысле славянофил Достоевский – антипод западнику Толстому, который видел в «роевом начале» только благо.

Можно ли совместить личностное и «роевое начало»? В практической жизни бросаться из крайности в крайность – типично славянская черта. От покорности к бунту, от пассивности к героизму, от созидания к разрушению, от расчетливости к расточительству и наоборот. Столь своеобразная ментальность, по мнению Бердяева, это «устремленность» духа к «крайнему и предельному». У славянофилов органическое единство общего и единичного, индивидуального и социального нашло выражение в понятии соборности, которое было предложено и разработано А.С. Хомяковым. Далее эта идея разрабатывается И.В. Кириевским и К.С. Аксаковым. У последнего мы видим некоторую «социологизацию» понятия соборности: он фактически отождествляет соборность и общину, в которой «личность свободна как в хоре». Исторические судьбы проблемы соборности противоречивы: позднее понимание соборности все более и более политизировалось, эволюционируя в сторону панславизма и национализма. Сравнивая славянофильскую и западную социокультурные модели, нельзя не затронуть еще одну важную для славянского духа проблему – проблему толерантности. В данном случае, речь идет о понимании соотношения своего и чужого. Фактически, начиная с XV века, в истории русской культуры большую роль играла оппозиция «мы и они», «наше и не наше». Постепенно большая часть русского, российского, а затем советского общества привыкла воспринимать мир, разделенным на две полярные половины – родную и враждебную. Так, европейски образованные славянофилы в личной жизни были вполне терпимыми людьми, принимавшими существование «многих правд». Но их социологическая консервативная утопия базировалась на беспощадной критике Запада и утверждении, что пропасть между Россией и Европой изначально и непреодолима. Западные решительно противостояли этой позиции и фактически заменили традиционный биполярный принцип славянофилов на более толерантный вариант: «свое и иное». Такая «много понимающая» модель культуры была главной заслугой западников.

Спор славянофилов и западников – постсоветская проблема, отражающая по-прежнему актуальные вопросы. Оба эти течения представляли собой единство российской культуры, у них была, со слов Герцена, «одна любовь, но не одинаковая», поэтому исповедуя разные идеалы, но отражая единую ментальность, они желали одного – процветания Отечества.